

2

DESCRIPTION SIGNALEMENT

Bearer Titulaire		Wife Femme	
Profession	STUDENT		
Place and date of birth	St. Andrews		
Lieu et date de naissance	20.3.1946		
Country of Residence	SCOTLAND		
Pays de Résidence			
Height	5 ft. 3 in.		
Taille			
Colour of eyes	GREY		
Couleur des yeux			
Colour of hair	Light Brown		
Couleur des cheveux			
Special peculiarities			
Signes particuliers			

CHILDREN ENFANTS

Name Nom	Date of birth Date de naissance	Sex Sexe

Usual signature of bearer
Signature du titulaire: Maureen P. Perrie

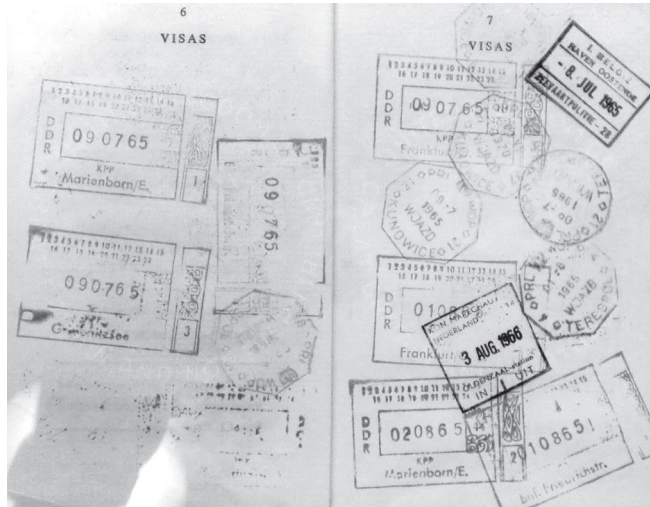
Usual signature of wife
Signature de sa femme: _____

3

Bearer Titulaire

Wife Femme

Maureen Perrie
Passport for Travelling Abroad (1960s)

DOI: 10.15826/qr.2015.1.077
УДК 94(47+57) (091) + 81:39 +
+ 316.343:63-051“653”

Maureen Perrie

FROM POETRY TO PEASANTRY: MY EARLY ADVENTURES IN RUSSIAN STUDIES

The Editorial Board of the journal is rightly proud that it managed to persuade Professor Maureen Perrie, the eminent British historian of Russia, to write this memoir, intriguingly entitled ‘From Poetry to Peasantry: my Early Adventures in Russian Studies’. The memoir is written with such candour, and in such a lively and entertaining style, that its appeal will extend beyond specialists in the humanities. The reader is presented with a portrait of an entire generation, with its insights and its delusions, its loyalty to its parents’ moral code and its aspiration towards new visions of humanity. Maureen Perrie’s remarkable memory for detail enables her to create a complex and dynamic picture of the attitude of British society towards Russia, of cultural interactions and the cruel political prejudice that played such a pernicious role. At the same time we have a valuable account of her youthful enthusiasms, heartfelt experiences and the role of personal relationships in her development as a historian. The author followed a complex path, beginning with an interest in Russian literature and the Symbolists (her favourite poet was Alexander Blok), and leading on to research on the Russian peasantry, pretenderism and the Russian monarchy. This trajectory provides evidence of her inquiring mind and her desire to get to the very heart of a phenomenon – because a true understanding of Russia involves first and foremost an understanding of the patriarchal mindset, the peasant world, popular utopias and the cruelty of the regime towards its own people. Maureen Perrie has brilliantly succeeded in her task. Her publications make a major contribution to international Russian Studies; and this autobiographical essay, which is so revealing of the author’s personality, provides entertaining and moving reading for all lovers of Russian culture.

Keywords: Maureen Perrie; memoirs about Russia; University of Edinburgh; University of Birmingham; history of the Russian peasantry; CREES.

I was born in March 1946, which makes me one of the first “baby-boomers” – the children conceived in the immediate aftermath of the Second World War, when demobilised soldiers began to return home. As a consequence of being a baby-boomer, I grew up in the shadow of the Cold War.

For the first decade of my life, which was spent in provincial Scotland, the events of the Cold War made little impact on me. The earliest world

events that I can recall were those at the end of 1956: the Soviet incursion into Hungary to suppress the popular uprising there; and the Suez crisis, when Britain and France invaded Egypt to regain control of the Suez Canal. From coverage in the UK media, I learned that the Russians were definitely the “bad guys” in Hungary; but it was not so clear that we British were the “good guys” in Suez. Nikita Khrushchev’s secret speech, earlier in 1956, with its criticisms of Stalin, had escaped my notice; but the launch of the first Soviet sputnik, in 1957, attracted widespread attention and created a positive image of the USSR as a land at the forefront of scientific progress. I was much more interested, however, in the *Doctor Zhivago* affair of 1958, when Boris Pasternak’s novel was published in the West, in defiance of the authorities in the USSR, and Pasternak was obliged to refuse the Nobel Prize for Literature. In following the *Zhivago* affair, I realised for the first time that literature could have political significance, and be a political tool.

I did not read *Doctor Zhivago* until a few years later (probably when the English translation first appeared in paperback, in 1961), and I remember being somewhat disappointed by its literary qualities, and confused by the complicated plot. The historical background, however, with its broad panorama of war and revolution, fascinated me, and made me aware for the first time of the drama of Russian history. I had read that Pasternak’s novel was an attempt to create a 20th-century *War and Peace*: with the fearlessness of youth, I embarked on Tolstoy’s great novel (in the translation by Louise and Aylmer Maude), and was pleasantly surprised to find it so readable and enthralling (part of me is still in love with Prince Andrei). After *War and Peace*, I read *Anna Karenina*, but my proto-feminist teenage self was disappointed by the plot, which so closely resembled that of the women’s magazine stories I had already come to despise. From Tolstoy, I moved on to Dostoevskii. I admired *Crime and Punishment* and *The Brothers Karamazov*, but it was to the themes of *The Possessed* (“Besy”) that I was later most frequently to return, when I became interested in the history of the Russian revolutionary movement.

The most significant event in my relationship with Russia came in 1960, when I began to learn the Russian language. At that time, Scottish secondary schools offered French as a first modern foreign language, together with Latin for the most able. These languages were taught from the first year of secondary education (when pupils were 12 years old); a second foreign language – usually German – was offered in the third year. In the late 1950s, however, when the Khrushchev “Thaw” seemed to offer a relaxation in the Cold War, with increased opportunities for both cultural relations and commercial trade between East and West, the Scottish Education Department decided that Russian was the language of the future, and set up a one-year course for teachers of classical languages (Latin and Greek – the languages of the past) who were willing to convert themselves into teachers of Russian. In 1960 my school – we were living at the time in the town of Ayr, on the estuary of the River Clyde, south-west of Glasgow – acquired the services of one of the graduates of this conversion course. My year-group was the first to be offered the opportunity to learn Russian as an alternative to German as

a second foreign language; and I was an enthusiastic volunteer. Our teacher was a kindly man, but he taught Russian as if it were a dead language, like Latin, with much emphasis on rote-learning of noun declensions and verb conjugations. As a result, I obtained a good grasp of Russian grammar, but I have never acquired the fluency in oral communication that a more imaginative approach to the early stages of language-learning might have produced.

My parents, who were socially and politically conservative, and regular church-goers (my mother was a school teacher, and my father a bank clerk), were proud of their clever daughter. They fully supported my decision to study this difficult and exotic “language of the future”, in spite of the fact that many of their friends and neighbours believed that the only British people who would want to learn Russian would be Communists, and hence potential traitors. In fact my political views (such as they were) were of a vague “New Left” kind. I regarded the Soviet Union as a still fundamentally unreformed Stalinist system of state capitalism, very far short of the democratic socialism that I hoped soon to see established throughout the world.

In 1963 I started university in St Andrews. St Andrews is a small seaside town on the east coast of Scotland, mainly famous for its golf courses. It does, however, have a medieval university, the oldest in Scotland; in the UK, only Oxford and Cambridge are older (for some reason, British people consider that universities founded in the middle ages are particularly prestigious). Because St Andrews was such a small place, with strictly supervised halls of residence for female students, my parents reluctantly agreed to let me go to university a year earlier than usual. Moreover, I had been born in St Andrews, and we still had relatives in the area who they hoped would keep an eye on me.

English literature had been my best subject at school, and I hoped to specialise in it at university. The Scottish system of higher education is more broadly based than that in England: degree courses last for four years, and students specialise in their chosen “Honours” subject only in the third year. In the 1960s the teaching of Russian was beginning to expand in Scotland at university level, as well as in schools; and in my first year at St Andrews the university had a Russian Department for the first time, with only one lecturer: Harvey Pitcher, an enthusiastic young specialist on Chekhov. I soon discovered that I was much more interested in Russian literature than I was in English; but even though the St Andrews Russian Department expanded in my second year, with the appointment of two new lecturers, it was not yet possible to take an Honours degree there in Russian. So, after two years at St Andrews, I transferred to the University of Edinburgh, which was then the only Scottish university to offer a single-subject Honours degree in Russian Language and Literature. By then I was in any case beginning to find St Andrews a somewhat claustrophobic environment, and welcomed the opportunity to explore the more varied attractions of the Scottish capital.

In the Russian Department at Edinburgh, language and literature were taught to the senior students by Dr Militsa Eduardovna Greene (1912–1998), a charming Russian émigrée, known universally to her students as

“Doc Greene”.¹ All of her teaching was conducted through the medium of Russian: she lectured in Russian, and we students had to write our essays in Russian, and speak only Russian in her seminars. Doc Greene’s approach to literature was heavily influenced by the Russian formalist school (our Bible was Wellek and Warren’s *Theory of Literature* [Wellek, Warren]); we students often grumbled about this, but when I later came to specialise in history, I found that my training in the close-reading of a literary text could be very fruitfully transferred to the study of historical documents. The Honours syllabus at Edinburgh had a compulsory course on Russian history, focussing on the 19th and 20th centuries; there was also a compulsory course on Old Russian Language, with associated texts, including Avvakum, Afanasii Nikitin and the *Slovo o polku Igoreve*, which our teacher, Professor Dennis Ward (1924–2008), had translated [Ward]. I greatly resented the requirement to take this Old Russian course, which I regarded as completely “irrelevant”. In later years, however, when I began to work on early modern Russian history, I was to be very grateful for the grounding in Old Russian that Dennis Ward’s course had given me.

In the spring of 1967 it was time for me to think about my future after graduation. I was a good student, and Doc Greene suggested that I stay on in Edinburgh as a postgraduate, to do research for a PhD on Russian “Silver Age” poetry. “We can find you a minor Symbolist!”, she promised. I had enjoyed studying Silver Age poetry, and was particularly fond of Blok – but I knew that I did not want to devote the next few years of my life to the archive of a minor Symbolist. I briefly considered applying for a Master’s course on the Sociology of Literature (then a fashionable new subject) – perhaps as a reaction against the diet of formalism that we had been force-fed by Doc Greene; but in the end I applied for and obtained a place to do research on Russian history at the Centre for Russian and East European Studies (CREES) at the University of Birmingham. Doc Greene was horrified: “They are all Communists there!”, she warned me. But I was not afraid of Communists; more importantly, CREES offered me a studentship in political science, funded by the Social Science Research Council.² In the autumn of 1967, I set off for Birmingham – and have been there ever since.

CREES had been established in 1963 as a result of the recommendations of the Hayter Committee on Area Studies,³ which had proposed the creation of specialist research centres dedicated to the study of a number of areas of the world which were identified as being of strategic importance for Britain’s national interests: Asia, Africa, Russia and Eastern Europe. The new centres’ approach was to be multi-disciplinary, including language study, but not dominated by it, as the more traditional “language and literature” departments had been. There was to be generous funding for the centres for at least

¹ This was actually a sign of respect: we referred to all our other teachers by their first names.

² In 1983 the name of this research council was changed to the Economic and Social Research Council, during the premiership of Margaret Thatcher, who did not believe that there was any such thing as a “science” of society.

³ A Sub-Committee of the University Grants Committee, chaired by Sir William Hayter, a former UK ambassador to Moscow.

ten years. So I benefitted at postgraduate level, as I had earlier at both secondary-school and undergraduate level, from government policies designed to promote Russian Studies in the UK. Only two years later I was to benefit from the unprecedented expansion of British higher education following the Robbins Report of 1963, when I was appointed to a Lectureship in Russian History at CREES, at the tender age of 23, and without a completed PhD thesis.

When I had applied to CREES for postgraduate study, my proposed thesis topic was the role of the intelligentsia in the Socialist-Revolutionary (SR) Party. I had always been interested in the SRs, partly because of my belief that socialism had to be democratic, and that the SRs' performance in the election to the Constituent Assembly of January 1918 gave them a much greater claim to legitimacy than the Bolsheviks. The phenomenon of the revolutionary intelligentsia, from the time of the populists (*narodniki*) of the 19th century onwards, also fascinated me (not least, I must admit, because I had developed a somewhat romanticised image of myself as a potential *intelligentka* of the Russian type, seeking self-fulfilment through political service to the "broad masses"). The political sociologist David Lane, then a lecturer at CREES, was completing a monograph, based on his Oxford PhD thesis, on the social composition, structure and activity of the Russian Social-Democratic Party around the time of the 1905 revolution [Lane]; and he had agreed to supervise my proposed similar study of the SRs. But by the time I arrived in Birmingham, David had left. His replacement, Teodor Shanin, expressed a willingness to supervise my research on the SRs. "But why are you interested in the intelligentsia?", he asked. "The intelligentsia in the SR Party is not interesting. What is interesting about the SRs is the peasantry." And so I discovered Peasant Studies.

Peasant Studies was a comparatively new area of research in the 1960s. After the Second World War, peasants had come to assume "contemporary relevance" for both scholars and politicians. The Chinese communist revolution suggested that it was no isolated anomaly that the first socialist revolution, in Russia in 1917, had occurred in a predominantly peasant society, rather than in the developed capitalist world, as classic 19th-century Marxists had assumed. And the anti-imperialist movements of de-colonisation that were taking place in what was then called the "third world" were also rooted in predominantly peasant societies.

New approaches to conceptualising the economics of the peasant household had led to the rediscovery of the works of the Russian agronomist Alexander Chayanov (1888–1937); and Professor R.E.F. (Bob) Smith of CREES (1922–2010) had co-edited (with Basile Kerblay and Daniel Thorner of the Sorbonne) an English translation of Chayanov's major works, which was published in 1966 [Chayanov]. Chayanov's work, which had been banned in the Soviet Union after 1930, was thus made available for the first time to a broader readership of non-Russianists. Chayanov's writings influenced Bob Smith's own research into medieval Russian agriculture, as was most evident in his monograph on *Peasant Farming in Muscovy* [Smith]; and Chayanov's argument that peasant farmers operated to a different economic

rationale from capitalists was developed further by Teodor Shanin, in his 1969 CREES PhD thesis,⁴ in which he argued that peasant solidarity against outsiders was more important than social differentiation within the peasantry. Chayanov's views, with their critique of the traditional Marxist view of the peasantry as petty-bourgeois, were to be very influential and controversial in the new academic field of Peasant Studies, which included interdisciplinary research on contemporary "developing societies" as well as on the history of medieval Europe.⁵

For several years, from 1964 onwards, Bob Smith organised an annual two-day seminar in Birmingham on "Peasant and Farmer in Europe", which brought together specialists on the medieval and modern history of both Eastern and Western Europe. Bob was also a member of the Editorial Board of *Past and Present*, the pre-eminent British journal of social history, many of whose founders had been members of the Communist Party Historians' Group. One of my first scholarly articles, on the role of the peasantry in the Russian revolution of 1905, was to be published in *Past and Present* [Perrie, 1972b]. It was based on a paper that I had presented to the "Peasant and Farmer" seminar the previous year.

In 1968, Moshe (Misha) Lewin (1921–2010) joined the teaching staff of CREES. Like Teodor Shanin, Misha had an East European Jewish background; like Teodor, he had lived in exile in the USSR during the war, and had subsequently emigrated to Israel. In the year he came to Birmingham, Misha published a monograph entitled *Russian Peasants and Soviet Power* [Lewin], which was based on his PhD thesis from the Sorbonne, completed in 1964. It provided a devastating critique of Bolshevik agrarian policy in the 1920s, culminating in the dekulakisation campaign of the winter of 1929–1930. Teodor and Misha were the most exotic academics I had ever met. They were both charismatic figures, inspirational, energetic and enthusiastic. They were contrasting physical types: Teodor was tall and broad-shouldered, Misha was short and stocky. They made a slightly comical pair as they walked together around the campus, debating passionately in an incomprehensible shared language (probably a mixture of Polish, Russian, Yiddish and Hebrew); both of them also spoke fluent but idiosyncratic English. Teodor left Birmingham a couple of years after my arrival in CREES; soon afterwards, he was appointed Professor of Sociology at the University of Manchester.⁶ Misha remained at CREES until 1978, when he moved to the United States. Throughout the ten years he spent in Birmingham, Misha was my closest colleague and mentor: it was largely as a result of his patronage that I was appointed to my teaching post in 1969. Although his own research was on the Soviet period, Misha believed that one could only understand the Soviet Union by placing it in the longer-term context of Russian history; he fully encouraged me when I began to think about work-

⁴ Published as *The Awkward Class* [Shanin].

⁵ Lively debates between the Marxists and the Chayanovites took place on the pages of the *Journal of Peasant Studies*, founded in 1973.

⁶ Much later he was to be the founding rector of the Moscow School of Economic and Social Sciences (*Moskovskaya vy'sshaya shkola social'ny'h i e'konomicheskikh nauk*).

ing on the early modern period and exploring continuities from the 16th to the 20th centuries.

My research on the SRs had come to focus on the ideas of Viktor Chernov, the party leader. Unlike Lenin and the Russian Marxists, who viewed the mass of the peasantry as “petty-bourgeois” because they owned their means of production, Chernov argued that the majority of the peasants were “workers” (*trudyashiesya*), just like the urban and rural proletariat. It followed that the mass of the peasantry were potential allies of the workers, and shared with them an interest in carrying out a revolution that would go further than a “bourgeois-democratic” revolution, carry out the “socialisation (*socializaciya*)” of the land, and prepare the way for the transition to socialism. It was not of course possible at that time for a Westerner to undertake research trips to Russia to study the early history of the SR Party. Nor was it necessary: the SR Party leadership had been in emigration in Western Europe before 1917, and its main publications were held in Western libraries, including the British Museum in London (now the British Library).⁷

My first visits to Russia were for one-month summer language courses in Moscow, when I was still an undergraduate. Apart from the language classes (which were useful, and well taught) these involved a “cultural programme”. This usually included a long weekend excursion to Leningrad, and day-trips to Vladimir, Suzdal’ and Zagorsk (Sergiev Posad). As well as these primarily tourist expeditions, we were taken to visit factories and Pioneer camps, and attended receptions at the “House of Friendship” (*Dom druzhby' s narodami zarubezhnyh stran*), where we acquired official “friends” who offered to show us the sights of the capital. We were under no illusions about the motives of our new “friends”, but often went around with them anyway, for the sake of practising our spoken Russian.

In those days our visits to Russia were always undertaken by rail, which required three days’ travel from Edinburgh to Moscow. These train journeys were very educational in themselves, and brought home to us the realities of the division of Europe by the Iron Curtain. We were struck by the contrast between the bright lights of West Berlin and the drabness of the East; and we were infuriated by the numbers of armed border guards who kept coming through the carriages demanding that we fill in endless customs forms and currency declarations. As we travelled across the flat and featureless Central European Plain, we understood the Russians’ constant fears of invasion from the west; at Brest-Litovsk we shivered on the platform in the middle of the night while our carriages were lifted on to new wheels for the wider-gauge Soviet track. Once inside the Soviet Union, we enjoyed the constant supply of hot tea from the samovar in the corridor of the train, and breakfasted in a dining-car that served only fried eggs (*yaichnicza*).

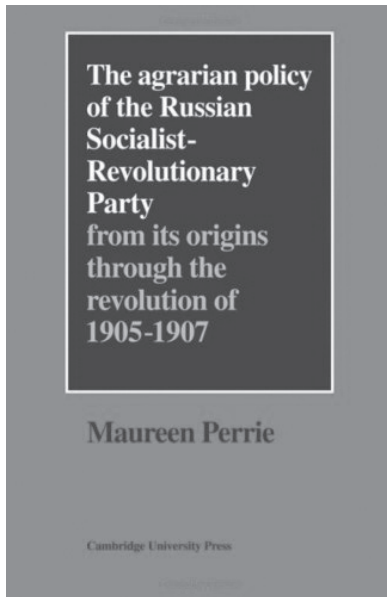
In 1968 CREES established a student exchange with the Maurice Thorez Institute of Foreign Languages in Moscow (*Moskovskij gosudarstvennyj*

---

⁷ The first person to use the Party’s archive for the period, held at the International Institute for Social History in Amsterdam, was the German historian Manfred Hildermeier. See [Hildermeier].

pedagogicheskij institut imeni Morisa Tereza), popularly known as *Inyaz*. In the summer of 1970, as a junior lecturer, I accompanied a group of CREES students attending a one-month language course at *Inyaz*. For the first time, I acquired a reader's ticket to the Lenin Library, claiming (with only a slight degree of dishonesty) that my research topic was the "peasant movement (крестьянское движение)" in the 1905 revolution. Like other foreigners, I was allocated to the legendary First Reading Room (*Pervy'j chital'ny'j zal*),

where youthful Western PhD students in jeans and tee-shirts worked alongside venerable Soviet Academicians in formal three-piece suits. To the great credit of the library staff, they were just as helpful and respectful to the young foreign *aspiranty* as they were to the aged *akademiki*.

By the early 1970s my work on the SRs was coming to an end,⁸ and I needed to decide on a new topic of research. In my work on the SRs, I had often considered the issue of the continuity between the peasant unrest in the revolutions of 1905 and 1917, on the one hand, and earlier popular uprisings in Russia, on the other.⁹ The SRs themselves were interested in the Razin and Pugachev rebellions (as were the Bakuninists before them), and I began to investigate

these events. I read K.V. Chistov's brilliant book on "popular socio-utopian legends" [Чистов], and learned from it about the distinctively Russian "pretender phenomenon" (*samozvanchestvo*) and the *mentalité* of "popular monarchism" associated with it. It was Chistov's book that inspired me to do research on the Time of Troubles of the early 17th century;¹⁰ and I have continued to work on related issues ever since.

Редколлегия журнала по праву гордится тем, что ей удалось заинтересовать выдающегося английского профессора истории России Морин Перри предложением написать воспоминания, интригующе озаглавленные «От поэтики литературы к истории крестьянства: мои ранние

⁸ My main publications on the SRs were [Perrie, 1972a; Perrie, 1976]. See also [Perrie, 1982a]; also in German [Perrie, 1982b].

⁹ The American historian Paul Avrich had followed a similar intellectual trajectory: after working on the 20th-century Russian anarchists, he published an excellent book on earlier Russian revolts [Avrich].

¹⁰ My main publication on this theme is [Perrie, 1995].

приключения в области русистики». Воспоминания написаны с таким доверительным чувством, настолько живо и занимательно, что должны привлечь внимание не только специалистов в сфере гуманитарной науки. Перед читателем возникает портрет целого поколения с его проницательностью и заблуждениями, верностью родительской морали и устремлением к новым горизонтам человечности. Удивительная память Морин Перри на детали позволяет воспроизвести объемную и динамичную картину отношения британского общества к России, культурных взаимодействий и политической античеловеческой ангажированности, играющей губительную роль. Вместе с тем перед нами драгоценные страницы, описывающие увлечения юности, тонкие переживания, роль человеческих взаимоотношений в формировании историка. Прделанный автором непростой путь, начавшийся с интереса к русской литературе и младосимволистам (любимый поэт – А. Блок) и приведший к изучению русского крестьянства, самозванчества и российской монархии, свидетельствует о пытливости ума и стремлении проникнуть в самую глубь явления, потому что действительно понять Россию – это, в первую очередь, понять патриархальное сознание, крестьянский мир, народные утопии и жестокость режима к своему народу. Это блестяще удалось Морин Перри. Ее работы являются важной страницей мировой русистики, а ее биографические заметки, раскрывающие личность автора, представляют занимательное и эмоциональное чтение для всех любящих русскую культуру.

Ключевые слова: Морин Перри, мемуары о России, университет Эдинбурга, университет Бирмингема, история русского крестьянства, CREES.

Я родилась в марте 1946 г. и была одним из первых «бэби-бумеров» – детей, зачатых сразу после Второй мировой войны, когда демобилизованные солдаты начали возвращаться домой. Принадлежа к поколению бэби-бума, я росла в тени «холодной войны».

Первые десять лет своей жизни я провела в шотландской провинции, и в то время события «холодной войны» мало меня касались. Самые ранние воспоминания о мировых событиях относятся к концу 1956 г.: это вход советских войск в Венгрию для подавления народного восстания и Суэцкий кризис, который произошел, когда Великобритания и Франция вторглись на территорию Египта, чтобы восстановить контроль над Суэцким каналом. Из британских СМИ я узнала, что русские в Венгрии определенно вели себя как «злодеи»; но то, что мы, британцы, вели себя как «герои» в Суэце, было не столь очевидно. Я не знала о тайной речи Никиты Хрущева в начале 1956 г., в которой он критиковал Сталина; но запуск первого советского спутника в 1957 г. привлек широкое внимание и создал положительный образ СССР как страны, находящейся в авангарде научного прогресса. Однако меня намного больше заинтересовала ситуация вокруг «Доктора Живаго» в 1958 г., когда наперекор советским властям роман Бориса Пастернака был опубликован на Западе и автор был вынужден отказаться от Нобелевской

премии по литературе. После этого я впервые поняла, что литература может иметь политическое значение и быть инструментом политики.

Я прочитала «Доктора Живаго» лишь несколько лет спустя (наверное, в 1961 г., когда вышел английский перевод в мягкой обложке); помню, что меня слегка разочаровали литературные качества этой книги и я запуталась в ее замысловатом сюжете. Но я была зачарована историческим фоном, широкой панорамой войны и революции; тогда я впервые поняла всю драматичность истории России. Я прочитала, что роман Пастернака был попыткой создать «Войну и мир» XX в. С бесстрашием, присущим юности, я взялась за великое произведение Толстого (в переводе Луизы и Эйлмера Мод) и была приятно удивлена тем, что этот роман так легко читается и настолько увлекателен (какая-то часть меня все еще влюблена в князя Андрея). После «Войны и мира» я прочитала «Анну Каренину», но подрастающая во мне феминистка была разочарована сюжетом, так сильно напомилавшим рассказы в женских журналах, к которым я уже относилась с презрением. После Толстого я принялась за Достоевского. Я была восхищена «Преступлением и наказанием» и «Братьями Карамазовыми», но именно к темам «Бесов» я чаще всего обращалась в дальнейшем, когда заинтересовалась историей русского революционного движения.

Самое важное событие в моих отношениях с Россией произошло в 1960 г., когда я начала учить русский язык. В то время в шотландских средних школах в качестве первого современного иностранного языка предлагался французский; самые способные ученики занимались еще и латынью. Эти языки преподавались с первого года средней школы (с 12 лет); на третьем году обучения появлялся второй иностранный язык, обычно немецкий. Но в конце 1950-х хрущевская «оттепель» принесла ослабление напряженности в «холодной войне»; увеличились возможности для культурных и экономических связей между Востоком и Западом, и Министерство образования Шотландии решило, что русский – это язык будущего. Был учрежден годичный курс для преподавателей классических языков (латыни и греческого – языков прошлого), желающих перепрофилироваться в учителей русского. В 1960 г. один из выпускников этого курса оказался в моей школе (тогда мы жили в городе Эре, который находится в устье реки Клайд, к юго-западу от Глазго). Мои сверстники первыми получили возможность учить русский в качестве второго иностранного языка вместо немецкого, и я с энтузиазмом вызвалась этим заниматься. Наш учитель был добродушным человеком, но он преподавал русский как мертвый язык, подобно латыни, уделяя много внимания зубрежке склонений и спряжений. В результате я хорошо усвоила русскую грамматику, но до сих пор не научилась говорить так бегло, как могла бы при более творческом подходе на начальном этапе изучения языка.

Мои родители, консервативные в социальном и политическом отношении и регулярно посещавшие церковь (моя мать была учительницей в школе, а отец – клерком в банке), гордились своей ум-

ной дочерью. Они полностью поддерживали мое решение учить этот сложный и экзотический «язык будущего», хотя многие их друзья и соседи думали, что единственные британцы, которым может хотеться учить русский, – коммунисты, а следовательно, потенциальные изменники. На самом деле мои политические взгляды (если они у меня вообще были) можно было отнести скорее к направлению «новых левых». Я считала Советский Союз сталинистской системой государственного капитализма, которая все еще сильно нуждается в реформах и очень отличается от демократического социализма, который, как я надеялась, скоро должен установиться по всему миру.

В 1963 г. я поступила в университет в Сент-Эндрюсе. Сент-Эндрюс – приморский городок на восточном берегу Шотландии, больше всего известный своими курсами по гольфу. Но в этом городке есть средневековый университет, старейший в Шотландии; во всем Соединенном Королевстве старше него только Оксфорд и Кембридж (почему-то британцы считают, что университеты, основанные в Средневековье, особенно престижны). Мои родители нехотя согласились отпустить меня в университет на год раньше обычного, потому что Сент-Эндрюс – город маленький и потому что за общежитиями для студенток там строго следят. К тому же я родилась в Сент-Эндрюсе, и в округе у нас все еще были родственники, которые, как надеялись мои родители, могли за мной присматривать.

В школе мне лучше всего давалась английская литература, и я надеялась изучать этот предмет в университете. Шотландская система высшего образования основана на более широких принципах, чем английская: обучение длится четыре года, и только на третьем году студенты проходят предметы по специализации, которую они выбрали для диплома с отличием. В 1960-х изучение русского языка в Шотландии начало распространяться не только в школах, но и на университетском уровне. Ко времени моей учебы на первом курсе в Сент-Эндрюсе в университете только-только появилась кафедра русского языка; на ней был единственный преподаватель – Харви Питчер, увлеченный молодой специалист по Чехову. Скоро я поняла, что русская литература интересует меня намного больше, чем английская; но, хотя во второй год моего обучения кафедра русского языка Сент-Эндрюсского университета расширилась, пополнившись двумя новыми преподавателями, там еще нельзя было получить диплом с отличием в области русского языка. Поэтому после двух лет в Сент-Эндрюсе я перевелась в Эдинбургский университет: тогда он был единственным учебным заведением в Шотландии, где можно было получить диплом с отличием только по русскому языку и литературе. К тому времени Сент-Эндрюс начал казаться мне довольно замкнутым местом, так что я радовалась возможности исследовать более разнообразные возможности шотландской столицы.

На русском отделении Эдинбургского университета язык и литературу у студентов старших курсов вела доктор Милица Эдуардовна Грин (1912–1998), очаровательная русская эмигрантка, которую все

ее студенты называли «док Грин»¹¹. Она всегда преподавала, обращаясь к русскому языку: она читала лекции по-русски, и нам, студентам, приходилось писать эссе по-русски и говорить только по-русски на ее семинарах. Подход «док» Грин к литературе испытал сильное влияние русской формальной школы (нашей библией была «Теория литературы» Уэллека и Уоррена [Wellek, Warren]). Мы, студенты, часто ворчали по этому поводу, но, когда позднее я занялась историей, оказалось, что мои навыки внимательного чтения художественного текста можно очень плодотворно применить к изучению исторических документов. В Эдинбургском университете в программу для тех, кто претендовал на диплом с отличием, входил обязательный курс по истории России, в котором особое внимание обращалось на историю XIX и XX вв. Также был обязательный курс по древнерусскому языку: мы читали тексты на древнерусском, в том числе произведения протопопа Аввакума, Афанасия Никитина и «Слово о полку Игореве», которое перевел наш преподаватель, профессор Деннис Уорд (1924–2008) [Ward]. Я изо всех сил возмущалась тем, что мы должны были проходить этот курс, который я считала совершенно «бесполезным». Но впоследствии, занявшись историей России раннего Нового времени, я была очень благодарна Деннису Уорду за основы древнерусского языка, которые мне дал его предмет.

Весной 1967 г. пришло время задуматься о моем будущем после окончания университета. Я была хорошей студенткой, и «док» Грин предложила мне поступить в аспирантуру в Эдинбурге и писать диссертацию по русской поэзии Серебряного века. Она пообещала: «Мы можем найти тебе младосимволиста!» Мне нравилась поэзия Серебряного века, особенно Блок, но я не хотела посвятить следующие несколько лет своей жизни наследию одного из младосимволистов. Какое-то время я думала о том, чтобы поступить в магистратуру по социологии литературы (в то время это новое направление было в моде); возможно, это была реакция на строгую «диету», на которой нас держала Грин. Но в конце концов я подала заявление и поступила в Центр российских и восточноевропейских исследований (Centre for Russian and East European Studies – CREES) в Бирмингемском университете; там я собиралась изучать историю России. «Док» Грин была в ужасе. «Они там все коммунисты!» – предостерегала она меня. Но я не боялась коммунистов. Важнее для меня было другое: CREES давал мне стипендию по политологии, которую предоставлял Исследовательский совет по социальным наукам¹². Осенью 1967 г. я отправилась в Бирмингем – и с тех пор живу там.

---

¹¹ На самом деле это было знаком уважения: всех остальных преподавателей мы называли по именам.

¹² В 1983 г. его переименовали в Исследовательский совет по экономике и обществу. Это произошло во времена Маргарет Тэтчер, которая не верила, что «науки» об обществе вообще существуют.

CREES был основан в 1963 г. благодаря рекомендациям Комитета по региональным исследованиям имени Уильяма Хейтера¹³. Этот комитет предложил создать специализированные исследовательские центры, посвященные изучению некоторых регионов, считавшихся стратегически важными для национальных интересов Британии: Азии, Африки, России и Восточной Европы. Новые центры должны были использовать междисциплинарный подход; в этот подход входило и изучение языков, но ему не отводилась ведущая роль, как на более традиционных факультетах «языка и литературы». Центры должны были щедро финансироваться, по меньшей мере в течение 10 лет. Так в аспирантуре (а ранее в средней школе и будучи студенткой) я извлекла пользу из государственной политики по продвижению русистики в Великобритании. Всего два года спустя я смогла воспользоваться беспрецедентным расширением британского высшего образования, которое последовало за докладом Роббинса в 1963 г. Меня назначили лектором по истории России в CREES, когда мне было только 23 года и я еще не закончила свою докторскую (PhD) диссертацию.

Когда я подавала заявление в аспирантуру CREES, предполагаемая тема моей диссертации была связана с ролью интеллигенции в Партии социалистов-революционеров (эсеров). Я всегда интересовалась эсерами. Мне казалось, что социализм должен быть демократическим и что результаты выборов в Учредительное собрание в январе 1918 г. давали эсерам намного больше оснований для легитимности, чем большевикам. Меня также увлекал феномен революционной интеллигенции, начиная с народников XIX в. (должна признаться, не в последнюю очередь потому, что я создала слегка романтизированный образ самой себя: я представляла себя русской интеллигенткой, которая пытается реализоваться в политическом служении «широким массам»). Специалист по политической социологии Дэвид Лэйн, который в то время был лектором в CREES, завершал монографию о социальном составе, структуре и деятельности Российской социал-демократической партии периода революции 1905 г. [Lane]; эта монография была основана на его оксфордской докторской (PhD) диссертации. Лэйн согласился руководить моим предполагаемым исследованием эсеров, которое имело сходную направленность. Но когда я приехала в Бирмингем, Дэвида уже там не было. Пришедший ему на смену Теодор Шанин выразил готовность руководить моей работой на тему эсеров. «Но почему вас интересует интеллигенция? – спросил он. – Интеллигенция в партии эсеров – это неинтересная тема. Другое дело – крестьянство». Так я открыла для себя крестьяноведение.

Крестьяноведение было сравнительно новой областью исследования в 1960-е гг. После Второй мировой войны тема крестьянства приобрела «актуальность» как для ученых, так и для политиков. Китайская коммунистическая революция навела на мысль о том, что первая

---

¹³ Это подразделение Комитета по распределению субсидий университетам; его возглавлял сэр Уильям Хейтер, бывший посол Великобритании в Москве.

социалистическая революция, случившаяся в 1917 г. в России, не была изолированным и аномальным явлением и что она произошла в преимущественно крестьянском обществе, а не в развитом капиталистическом мире, как предполагали классики марксизма в XIX в. В основе антиимпериалистических движений, связанных с деколонизацией и происходивших в «третьем мире» (по терминологии того времени), также лежали преимущественно крестьянские общества.

Благодаря новым подходам к осмыслению экономики крестьянского хозяйства были заново открыты работы русского агронома Александра Чаянова (1888–1937). Профессор Р. Э. Ф. (Боб) Смит из CREES (1922–2010) в 1966 г. издал (совместно с Базилем Керблеем и Даниэлем Торнером из Сорбонны) английский перевод основных работ Чаянова [Chayanov]. Таким образом, труды Чаянова, запрещенные после 1930 г. в Советском Союзе, впервые стали доступны широкому кругу нерусистов. Книги Чаянова повлияли на исследование земледелия в средневековой России, которое проводил сам Боб Смит; особенно это заметно в его монографии о крестьянском хозяйстве в Московском государстве [Smith]. Теодор Шанин развил суждение Чаянова о том, что за трудом крестьян стоит иная экономическая предпосылка, чем за работой капиталистов. В своей докторской (PhD) диссертации, защищенной в CREES в 1969 г.¹⁴, Шанин утверждал, что сплоченность крестьян перед лицом чужаков была важнее, чем социальное расслоение внутри крестьянства. Взгляды Чаянова и его критика традиционного марксистского подхода к крестьянству как к мелкой буржуазии оказали большое влияние на новую область науки – крестьяноведение – и вызвали в ней много споров. Крестьяноведение включало в себя междисциплинарное исследование как современных «развивающихся обществ», так и истории средневековой Европы¹⁵.

С 1964 г. в течение нескольких лет подряд Боб Смит был организатором ежегодного двухдневного семинара «Крестьянин и фермер в Европе» в Бирмингеме. На этот семинар съезжались специалисты по истории Средних веков и Нового времени Восточной и Западной Европы. Также Боб входил в редакцию *Past and Present* («Прошлое и настоящее»), выдающегося британского журнала по социальной истории; многие из его основателей принадлежали к группе историков Коммунистической партии. Одна из моих первых научных статей о роли крестьянства в русской революции 1905 г. была опубликована в «Прошлом и настоящем» [Perrie, 1972b]. В основу этой статьи лег доклад, с которым я выступила на семинаре «Крестьянин и фермер» за год до того.

В 1968 г. к преподавательскому составу CREES присоединился Моше (Миша) Левин (1921–2010). Как и Теодор Шанин, Миша был евреем из Восточной Европы; как и Теодор, во время войны он жил в ссылке в СССР, а затем эмигрировал в Израиль. В тот год, когда Миша приехал

¹⁴ Она была опубликована под названием «Неудобный класс» (*The Awkward Class*) [Shanin].

¹⁵ Оживленная дискуссия между марксистами и чаяновцами проходила на страницах *Journal of Peasant Studies* («Журнал по крестьяноведению»), который был основан в 1973 г.

в Бирмингем, он опубликовал монографию под названием «Russian Peasants and Soviet Power» («Русское крестьянство и советская власть») [Lewin]; она была основана на докторской (PhD) диссертации, которую он защитил в Сорбонне в 1964 г. Монография содержала сокрушительную критику аграрной политики большевиков в 1920-е гг., кульминацией которой стала кампания по раскулачиванию зимой 1929/30 г. Теодор и Миша были самыми необычными профессорами, которых я когда-либо встречала: оба харизматичные, воодушевляющие, энергичные, полные энтузиазма люди. При этом внешне они были полной противоположностью друг другу: Теодор – высокий и широкоплечий, Миша – низкий и коренастый. Вдвоем они выглядели слегка комично, когда прогуливались по кампусу, страстно что-то обсуждая на непонятном общем языке (возможно, это была смесь польского, русского, идиша и иврита). Они оба также хорошо, правда своеобразно, говорили по-английски. Теодор уехал из Бирмингема через пару лет после моего поступления в CREES; вскоре после этого в Манчестерском университете его назначили профессором социологии¹⁶. Миша остался в CREES до своего отъезда в Америку в 1978 г. На протяжении десяти лет, которые Миша провел в Бирмингеме, он был моим ближайшим коллегой и наставником; я получила должность преподавателя в 1969 г. во многом благодаря его покровительству. Миша хотя и занимался советским периодом, но считал, что единственный способ понять Советский Союз – поместить его в более продолжительный контекст истории России. Он полностью поддержал меня, когда я задумалась о том, чтобы работать над темой по Новому времени и изучать преемственные явления, прослеживаемые с XVI по XX в.

В центре моего исследования эсеров были идеи лидера партии – Виктора Чернова. В отличие от Ленина и русских марксистов (они считали крестьянскую массу «мелкой буржуазией», потому что крестьяне владеют средствами производства), Чернов утверждал, что большинство крестьян принадлежат к трудящимся, точно так же как городской и сельский пролетариат. Из этого следовало, что крестьянская масса – это потенциальные союзники рабочих, разделяющие их стремление к революции, которая будет не просто «буржуазно-демократической», которая проведет социализацию земли и подготовит путь для перехода к социализму. Конечно, в то время жители Запада не могли ездить в командировки в Россию, чтобы изучать раннюю историю партии эсеров. Но в этом не было необходимости: до 1917 г. руководство партии находилось в эмиграции в Западной Европе, и основные работы эсеров хранились в западных библиотеках, в том числе в Британском музее в Лондоне (ныне в Британской библиотеке)¹⁷.

¹⁶ Гораздо позже он стал основателем и ректором Московской высшей школы социальных и экономических наук.

¹⁷ Немецкий историк Манфред Хильдермайер первым использовал архив партии эсеров за этот период, который хранится в Международном институте социальной истории в Амстердаме. См.: [Hildermeier].

Моими первыми поездками в Россию были одномесячные летние курсы языка в Москве, в которых я принимала участие, будучи еще студенткой. Помимо занятий по русскому языку (они были полезными, и их хорошо вели) эти курсы включали в себя «культурную программу». В нее обычно входила длинная экскурсия в Ленинград на выходные, а также однодневные поездки во Владимир, Суздаль и Загорск (Сергиев Посад). Кроме этих преимущественно туристических маршрутов, нас возили на заводы и в пионерские лагеря. Мы также посещали приемы в Доме дружбы с народами зарубежных стран и заводили там официальных «друзей», которые предлагали показать нам достопримечательности столицы. Мы не питали иллюзий насчет мотивов наших новых «друзей», но все равно часто общались с ними, чтобы попрактиковаться в разговорном языке.

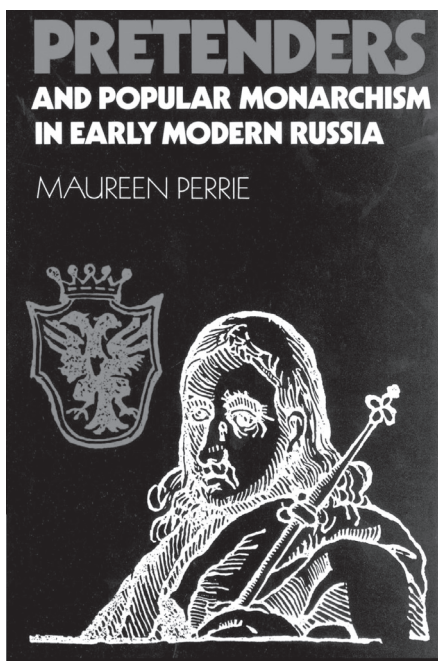
В те времена мы всегда ездили в Россию на поезде; дорога из Эдинбурга в Москву занимала три дня. Эти путешествия были очень интересны сами по себе и помогали нам понять те реалии, которые существовали в Европе, разделенной «железным занавесом». Нас поражал контраст между яркими огнями Западного Берлина и тусклостью Восточного; и нас выводило из себя число вооруженных пограничников, которые обходили вагоны, требуя заполнить бесконечные таможенные формуляры и валютные декларации. Проезжая по плоской и однообразной Восточно-Европейской равнине, мы понимали, почему русские всегда боялись вторжения с Запада; мы дрожали, стоя посреди ночи на платформе в Брест-Литовске, пока наши вагоны ставили на новые колеса, подходящие для более широкой советской колеи. Когда мы въехали на территорию Советского Союза, у нас появился неиссякаемый запас горячего чая из самовара в коридоре поезда, и мы завтракали в вагоне-ресторане, в котором была только яичница.

В 1968 г. CREES организовал студенческий обмен с Московским государственном педагогическом институте иностранных языков имени Мориса Тореза, широко известным как Иняз. Летом 1970 г. в качестве младшего преподавателя я сопровождала группу студентов CREES, которые посещали одномесячный языковой курс в Инязе. Я впервые получила читательский билет в Библиотеку имени Ленина, сказав (и в этом была лишь небольшая доля лжи), что тема моего исследования – «крестьянское движение» в революции 1905 г. Как и других иностранцев, меня определили в легендарный Первый читальный зал; там молодые западные аспиранты в джинсах и футболках работали бок о бок с почтенными советскими академиками в официальных костюмах. К большой чести сотрудников библиотеки, они относились с одинаковой предупредительностью и уважением как к пожилым академикам, так и к молодым аспирантам из-за границы.

К началу 1970-х моя работа по эсерам подходила к концу¹⁸, и мне нужно было выбирать новую тему для исследования. Изучая эсеров, я часто обращала внимание на связь между крестьянскими волне-

---

¹⁸ Моими основными публикациями о эсерах были [Perrie, 1972a; Perrie, 1976]. См. также [Perrie, 1982a]; также на немецком [Perrie, 1982b].

ниями во время революций 1905 и 1917 гг., с одной стороны, и более ранними народными восстаниями в России, с другой¹⁹. Сами эсеры интересовались Разинским и Пугачевским восстаниями (как и бакунинцы до них), и я начала исследовать эти события. Я прочитала блестящую книгу К. В. Чистова о «народных социально-утопических легендах» [Чистов], из которой узнала о характерном для России «самозванчестве» и связанном с ним мышлении «народного монархизма». Именно книга Чистова вдохновила меня на изучение Смутного времени начала XVII в.²⁰, и с тех пор я продолжаю работать над вопросами, связанными с этой темой.

Список литературы

- Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М. : Наука, 1967. 341 с.
- Avrich P.* Russian Rebels 1600–1800. London : Allen Lane, 1973. 309 p.
- A. V. Chayanov on the Theory of Peasant Economy / ed. by D. Thorner, B. Kerblay, R. E. F. Smith. Homewood, Ill. : Richard D. Irwin, 1966.
- Hildermeier M.* Die Sozialrevolutionäre Partei Rußlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Köln ; Wien : Böhlau, 1978. 460 p.
- Lane D.* The Roots of Russian Communism. A Social and Historical Study of Russian Social-Democracy 1898–1907. Assen : Van Gorcum, 1969. 240 p.
- Lewin M.* Russian Peasants and Soviet Power. A Study of Collectivization. London : Allen and Unwin, 1968. 539 p.
- Perrie M.* The Social Composition and Structure of the Socialist-Revolutionary Party before 1917 // Soviet Studies. 1972a. Vol. 24. No. 2 (Oct.). P. 223–250.
- Perrie M.* The Russian Peasant Movement of 1905–1907: its Social Composition and Revolutionary Significance // Past and Present. 1972b. No. 57 (Nov.). P. 123–155.
- Perrie M.* The Agrarian Policy of the Russian Socialist-Revolutionary Party; from its Origins through the Revolution of 1905–1907. Cambridge : Cambridge University Press, 1976.
- Perrie M.* Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe / ed. by W. J. Mommsen, G. Hirschfeld. London : Macmillan, 1982a. P. 63–79.
- Perrie M.* Politischer und ökonomischer Terror als taktische Waffen der russischen Sozialrevolutionären Partei vor 1914 // Sozialprotest, Gewalt, Terror: Gewaltenwendung durch politische und gesellschaftliche Randgruppen im 19. und 20. Jahrhundert / Hrsg. von W. J. Mommsen, G. Hirschfeld. Stuttgart : Klett-Cotta, 1982b. P. 80–99.

¹⁹ Американский историк Пол Эврич следовал по схожей траектории мысли: изучив русских анархистов XX в., он издал великолепную книгу о более ранних русских бунтах [Avrich].

²⁰ Моя главная публикация на эту тему: [Perrie, 1995].

- Perrie M. *Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: the False Tsars of the Time of Troubles*. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. XVII, 269 p.
- Shanin T. *The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925*. Oxford : Clarendon Press, 1972. XVII, 253 p.
- Smith R. E. F. *Peasant Farming in Muscovy*. Cambridge : Cambridge University Press, 1977. XII, 289 p.
- Ward D. Slovo o polku Igoreve: the Tale of the Host of Igor // *Forum for Modern Language Studies*. 1966. Vol. 2. Iss. 2 (April). P. 160–174.
- Wellek R., Warren A. *Theory of Literature*. 3rd edn. Harmondsworth : Penguin Books, 1963 (1st edn 1949). 374 p.

References

- Avrich P. (1973). *Russian Rebels 1600–1800*. London: Allen Lane.
- Chistov K. V. (1967). *Russkie narodny'e social'no-utopicheskie legendy' XVII–XIX vv.* [Russian national socio-utopian legends of 17th–19th centuries]. Moscow: Nauka.
- Hildermeier M. (1978). *Die Sozialrevolutionäre Partei Rußlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914)*. Köln; Wien: Böhlau.
- Lane D. (1969). *The Roots of Russian Communism. A Social and Historical Study of Russian Social-Democracy 1898–1907*. Assen: Van Gorcum.
- Lewin M. (1968). *Russian Peasants and Soviet Power. A Study of Collectivization*. London: Allen and Unwin.
- Perrie M. (1972a). The Social Composition and Structure of the Socialist-Revolutionary Party before 1917, *Soviet Studies*, 24, 2 (Oct.), 223–250.
- Perrie M. (1972b). The Russian Peasant Movement of 1905–1907: its Social Composition and Revolutionary Significance, *Past and Present*, 57 (Nov.), 123–155.
- Perrie M. (1976). *The Agrarian Policy of the Russian Socialist-Revolutionary Party: from its Origins through the Revolution of 1905–1907*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Perrie M. (1982a) Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914. In Mommsen W. J. & Hirschfeld G. (Eds.). *Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe* (pp. 63–79). London: Macmillan.
- Perrie M. (1982b). Politischer und ökonomischer Terror als taktische Waffen der russischen Sozialrevolutionären Partei vor 1914. In Mommsen W. J. & Hirschfeld G. (Eds.). *Sozialprotest, Gewalt, Terror: Gewaltwendung durch politische und gesellschaftliche Randgruppen im 19. und 20. Jahrhundert* (pp. 80–99). Stuttgart: Klett-Cotta.
- Perrie M. (1995). *Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: the False Tsars of the Time of Troubles*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shanin T. (1972). *The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925*. Oxford: Clarendon Press.
- Smith R. E. F. (1977). *Peasant Farming in Muscovy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Thorner D., Kerblay B. & Smith R. E. F. (1966). *B. V. Chayanov on the Theory of Peasant Economy*. Homewood, Ill.: Richard D. Irwin.
- Ward D. (1966). Slovo o polku Igoreve: the Tale of the Host of Igor, *Forum for Modern Language Studies*, 2, 2 (April), 160–174.
- Wellek R. & Warren A. (1963). *Theory of Literature*. 3rd edn. Harmondsworth: Penguin Books (1st edn 1949).

Translated by Elena Galitsyna

The article was submitted on 30.01.2015

Морин Перри
 профессор
 Университет Бирмингема,
 Бирмингем, Великобритания
 m.p.perrie@bham.ac.uk

Maureen Perrie
 Professor
 University of Birmingham,
 Birmingham, UK
 m.p.perrie@bham.ac.uk